

ЮЛИЯ СЫСОЕВА

*Записки
попадья*

особенности жизни
русского духовенства

Юлия Сысоева

Записки попадьи. Особенности жизни русского духовенства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167273

Записки Попадья. Особенности жизни русского духовенства: Время;

Москва; 2010

ISBN 978-5-9691-0552-2

Аннотация

Эта книга – взгляд изнутри. Повествование человека, который не понаслышке знает о закулисной и закрытой стороне существования духовного сословия. Правда и ничего кроме правды – таков замысел автора. «Очень часто, когда я появлялась на улице с мужем, нас спрашивали: „Батюшка, а разве священникам можно жениться?“ Совсем позабыли родную литературу, сказку Пушкина „О попе и о работнике его Балде“. Попадья то там имелась...» А откуда они берутся, попадьи? Почему в семьях священников обычно много детей? Почему матушка за рулем до сих пор шокирует окружающих? Почему те личности с крестами и в рясах, что ходят по вагонам метро и электричек, стопроцентные самозванцы? Портит ли священников квартирный вопрос? Почему к священнику неприлично обращаться со словами «святой отец»? Почему

священники не любят кагор и крайне редко его пьют? И еще множество вопросов, на которые отвечает эта книга.

Содержание

От автора	6
Предисловие	8
Вступление	9
Религиозные русские и новые священники	11
Чему учат в семинарии, или Очерки современной бурсы	17
Триста лет Московской Духовной академии	19
Вступительные экзамены	22
Учебный процесс	25
Форма в семинарии	29
Послушания	30
Увольнительные	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Сысоева
Записки Попадья.
Особенности жизни
русского духовенства

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 10-14-1355

© БФ «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева»

© Юлия Сысоева, 2010

© «Время», 2012

От автора

Кажется, все знают о трагедии, которая произошла в московском храме ап. Фомы в ночь на 20 ноября 2009 года. Был убит мой супруг, настоятель храма священник Даниил. Эта новость облетела весь мир – сужу по письмам со словами сочувствия и поддержки, которые приходят не только из России, но и буквально со всего света. Наша трагедия задела очень многих...

Для меня в одно мгновение перевернулся мир. Но я – возможно, кому-то это и покажется странным – продолжаю с оптимизмом смотреть на жизнь. Потому что знаю: со смертью жизнь не заканчивается, а только начинается. И отец Даниил просто ушел домой, туда, куда стремилась его душа, к Тому, Кому он служил всей своей жизнью.

Сегодня главная моя забота – о детях. Их у нас трое, младшей два года. Стараюсь сделать их жизнь не просто обеспеченной, но и интересной, насыщенной. Отец Даниил нам во всем помогает, его поддержку мы ощущаем постоянно.

Но времени на все не хватает, особенно сейчас, когда приходится оформлять множество различных бумаг. Думаю, что такая суeta продлится еще полгода, а потом жизнь как-то наладится, войдет в колею. Надеюсь, что появится время и для литературной работы, которую я намерена продолжать.

Меня часто спрашивают, остались ли у моего мужа после-

дователи, ученики? Продолжаю ли я его служение? Да, конечно, последователи у него есть. Но я в жизни храма сейчас активно не участвую, у меня несколько иные интересы.

«Записки попадьи» я писала еще при жизни мужа. Книга уже выдержала несколько изданий, и всякий раз я что-то добавляла к первоначальному тексту. Часто это происходило по просьбам моих читателей. Их оказалось неожиданно много — я и не предполагала, что мой довольно бесхитростный дневник вызовет такой интерес. Видимо, дело в том, что людей интересует не просто набор сведений о чем-либо — в данном случае о довольно закрытом укладе жизни семьи священника. Читатели, вероятно, ощутили и мою искренность, и желание помочь кому-то советом. Я им всем чрезвычайно благодарна.

Предисловие

Эта книга задумана как рассказ о жизни, быте и семейном укладе российских православных священников.

Годы безбожия и гонений на Церковь и верующих давно канули в лету. Никого не удивляют храмы, которые строятся и восстанавливаются из развалин, члены правительства, которые появляются в церквях по большим праздникам и встречаются с высшим духовенством на официальных мероприятиях.

Но все же каждый раз, когда люди видят в метро, на улице или в магазине священника в черной рясе, обязательно бросают удивленные взгляды, точно видят пришельца из космоса или, как минимум, из прошлого века.

Эта книга – взгляд изнутри, повествование человека, который не понаслышке знает о жизни духовного сословия в современной России.

Правда, и ничего, кроме правды – таков замысел автора.

Вступление

Все видят храмы, но не все знают, что происходит внутри. Все видят священников, но далеко не все знают, как они живут.

В России давно не существует сословных делений, но, пожалуй, единственное сословие, которое выжило и продолжает существовать – это духовенство.

О его жизни, быте, традициях практически ничего не известно нашим соотечественникам, не говоря уже о зарубежных собратях. Тем не менее, именно эта сторона жизни всегда вызывала неподдельный интерес, как правило, обрастая сказками и народными легендами.

Если священник идет по улице в рясе и с крестом, на него всегда оглядываются, а если он еще и с женой, это вызывает уже почти истерическое любопытство. Кстати, еще десять лет назад многие наши сограждане даже не знали, что православные священники в основном женатые. Очень часто, когда я появлялась на улице с мужем, нам задавали вопросы типа:

– Скажите, а разве священникам можно жениться? Или какой-нибудь подвыпивший мужичок, отваливший от пивной, мог бросить реплику:

– Батюшка, а вам с женщинами ни-з-зя! На что мой муж

отвечал:

– С женщинами ни-з-зя, а с женой можно.

Да, видимо, наши сограждане, насмотревшись мексиканских сериалов, в которых обязательно присутствует какой-нибудь падре Бениньо, совсем позабыли родную литературу, например сказку А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде». В сей знаменитой сказке попадья-то имелась.

Религиозные русские и новые священники

Все знают, что в Израиле существуют религиозные и нерелигиозные евреи.

Религиозные евреи четко отделяют себя от светского общества, не желая иметь с ним ничего общего, поэтому израильское общество расколото на две половины.

В России подобные понятия тоже существуют, только негласно.

Ни одному русскому не придет в голову охарактеризовать себя как религиозного или нерелигиозного. Хотя практически каждый второй называет себя православным, но из этого не следует, что он религиозен. Так же, как в Израиле почти любой еврей может назвать себя иудеем, но это еще не означает, что он религиозен или нерелигиозен.

Религиозного русского можно охарактеризовать как человека, активно живущего церковной жизнью и поэтому в той или иной степени отделяющего себя от всего светского. Это не значит, что он не работает на светской работе, а его дети не посещают школу в соседнем дворе. Он и работает, и дети его учатся, но религиозные русские отделены от светского общества, а более всех отделено духовенство, стоящее во главе русского религиозного сообщества.

И раз уж мы говорим об особенностях жизни нового ду-

ховного сословия в новой, посткоммунистической России, хочется рассказать совсем немного и о старом духовном сословии – в старой России. И конечно, лишь с точки зрения обывателя.

В старой России, до 1917 года, общество жестко делилось на сословия. Браки между представителями разных сословий совершались крайне редко. В одном художественном произведении, уже не помню в каком, мать-купчиха возмущалась до глубины души, что дочь осмелилась просить у маменьки с папенькой благословение выйти замуж за семинариста. «Чтоб дочь да попадьей была!» – негодовала купчиха. Правда, я знаю одну подобную историю, которая произошла в наше время, но о ней позже.

Так что же было тогда духовное сословие?

Начнем с того, что священник прежде всего был государственным чиновником, а Церковь кроме духовного окормления паствы выполняла еще и роль государственной организации, то есть роль современного ЗАГСа – со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Дети священнослужителей должны были идти по стопам отцов не по призванию, а по происхождению. Отсюда карьеризм, цинизм и прочие извращения того времени. Среди поповских детей было много революционеров и озлобленных безбожников. Яркий пример писатель Помяловский – сын священника, прошедший стандартный путь поповича и впоследствии прославившийся скандальным по тем временам произведе-

нием «Очерки бурсы». Не стоит рассматривать «Очерки...» как историческое пособие, ибо если принять все описанное там за правду, то не было бы у нас противоположных, положительных примеров. А ведь несмотря на такие условия, даже тогда появлялись великие святые, например Иоанн Кронштадтский, выходец из того же сословия, что и Помяловский, – сын бедного деревенского дьячка, который после окончания Санкт-Петербургской духовной академии, чтобы получить приход, женился на так называемой «закрепленной» невесте. Схема получения сана и прихода стандартная для того времени, но результат противоположный. Разница в том, что один был верующий и горел любовью ко Христу, которому и собирался посвятить жизнь, а другой нет.

Как ни странно это звучит, но революция и отделение Церкви от государства явились великим благом для самой Церкви, которая страданиями очистилась от той порочной системы, в которой пребывала долгое время. И само священство было как бы просеяно, как говорится в Писании, отделены были овцы от козлищ. Овцы стали мучениками за веру, а козлища отреклись от нее, – веры, впрочем, у них и не было, а была только сословная принадлежность. Но после революции Церковь еще долго была вынуждена существовать в условиях советского социализма, подвергаясь постоянным притеснениям и гонениям.

После падения коммунистического режима был упразднен институт уполномоченных по делам религий. Именно

уполномоченные решали, кого допустить, а кого не допустить в семинарию, кому принимать сан, а кому не принимать. Не всякий желающий мог стать священником. Стоило только изъявить желание принять сан, как власти тут же выстраивали на пути человека массу препон. А имея высшее образование, попасть в семинарию или рукоположиться было практически невозможно. Например, один ныне известный московский священник рассказывал, как, будучи крупным ученым, ради возможности принять сан вынужден был уволиться из своего НИИ и устроиться работать при храме дворником. Но так обстояло дело с русскими.

В советское время в Церкви было очень много священников – выходцев из Украины, вернее из Западной Украины. К этому было несколько причин. Первая – историческая. Западная Украина отошла к Советскому Союзу только в тридцать девятом году согласно пакту Молотова – Риббентропа. Стоило только Советскому Союзу заняться зачистками и коллективизацией на новых территориях, как началась Великая Отечественная война. В 1946 году на Львовском соборе западноукраинские униатские приходы перешли к Русской православной церкви. Таким образом, более тысячи приходов на одной Львовщине стали православными. Половина всех приходов православной церкви находилась на Украине. По данным на 1988 год, из 6 000 всех приходов 3 000 сосредоточены на Украине. Западная Украина, от которой Церкви досталось более тысячи приходов, избе-

жала всех гонений со стороны советской власти. Не стоит забывать, что Церковь подверглась жесточайшим гонениям и практически полному уничтожению. Западноукраинская религиозность резко отличалась от русской большей эмоциональностью и подчеркиванием важности самой обрядовости – из-за сильного влияния католичества. Вторая причина засилья украинских священников – это, конечно, сильная семейственность и клановость. В отличие от российских безбожников, не помнящих родства, на Украине, несмотря на советскую власть, сохранялись целые села с традиционным православным укладом жизни. Итак, семейственность плюс традиции давали основной процент абитуриентов семинарии. Учитывая украинский пиетет к советскому правительству и требовательную религиозность, властям выгодно было допускать в семинарию и к священству именно украинцев, которые становились бы просто послушными требователями, а не проповедниками и миссионерами. Поэтому русских священников в советское время было очень мало, а настоятелей и того меньше из-за влияния украинской национальной клановости, проталкивания родственников и при поддержке уполномоченных.

Не будем рассуждать, какими были священники в советское время. Но после упразднения института уполномоченных не только стало легче жить Церкви, но самое главное – за последние пятнадцать лет выросло целое поколение новых русских священников. Именно о них и пойдет речь в этой

книге.

Чему учат в семинарии, или Очерки современной бурсы

*Я б в священники пошел,
пусть меня научат.*

Прежде чем описывать жизнь священников, необходимо рассказать, откуда они берутся. Понятно, что не из капусты.

Семинария не является обязательной ступенью на пути к священству. Тем не менее это место, где Церковь неутомимо кует свои кадры.

Семинария и духовная академия – это смесь иезуитского колледжа, православного братства и армии, вернее, закрытого военного училища. Казарма – общежитие, наряды – послушания, от армейских ничем почти не отличаются. Начальной ступенью духовного образования является семинария, последующей – академия. Обучение в семинарии и академии в общей сложности продолжается восемь лет. Раньше, еще совсем недавно, четыре года обучались в семинарии и четыре в академии. Ныне пять лет учатся в семинарии и три года в академии. Ни в одном светском учебном заведении так долго не учатся.

Если студент женится во время учебы в семинарии и принимает сан, то продолжить обучение в академии он сможет только на заочном отделении. Большинство учащихся при-

нимают сан еще в семинарии и при желании продолжить образование переводятся на заочное обучение. Некоторые же ограничиваются только семинарским образованием. Насильно никого учиться не заставляют, всегда можно уйти, перейти на заочное отделение или даже сдать экзамены экстерном. По окончании академии особо талантливые, как правило, защищают диссертацию и удостоиваются получения ученой степени. В богословии существует три ученые степени: кандидат, магистр и доктор. Ученые богословы преподают в духовных учебных заведениях, коих на сегодняшний день в стране предостаточно.

Триста лет Московской Духовной академии

Семинаристы всегда бегут; не хватает им времени, вот и спешат. Бежит семинарист по лаврской аллее, под мышкой держит папку, папка падает на землю, и из нее высыпаются конспекты. Студент кидается их поднимать и в сердцах бросает: «Триста лет!»

Торопятся приятели-семинаристы на занятие, и тут один из них хлопает себя по лбу и говорит: «Триста лет! Учебник забыл».

Недавно, в 1986 году (для такого учебного заведения это недавно), московские духовные школы праздновали трехсотлетие своего основания. Вот после сего празднества и укоренилось среди студентов выражение «Триста лет». Одно время семинаристы носили даже значки, идентифицирующие студента именно Московской семинарии, на которых было написано «Триста лет Московской духовной академии».

В этой главе пойдет речь об истории МДА. Конечно, и без того существует множество книг на эту тему, но кое-что описать все же придется. Во всех справочниках вы найдете примерно следующие тексты:

Московская Духовная Академия, являющаяся

крупнейшим центром духовного образования в Русской Православной Церкви и первым высшим учебным заведением в России, была основана в 1685 году. До 1814 года она носила название Славяно-греко-латинской академии и размещалась в центре Москвы в Заиконоспасском монастыре. Академия унаследовала лучшие церковно-богословские и культурно-исторические традиции Православия.

Стоит ли упоминать всем известные факты, что выпускниками Славяно-греко-латинской академии были такие ученые мужи, как Ломоносов или Магницкий.

В 1814 году под руководством выдающегося церковного деятеля того времени архимандрита Филарета (Дроздова) произошли реформа духовных школ и перевод Духовной академии в Троицкую Лавру.

Здесь стоит отметить, что пребывание Академии и Семинарии в Троицкой Лавре стало символичным и остается таковым по сей день в связи с почитанием в нашем народе Преподобного Сергия Радонежского. С именем Сергия у верующих людей связано очень много. К его молитвенному заступничеству, как принято выражаться в православии, прибегают в первую очередь, когда молятся об успехах в учебе или о поступлении на учебу. Особый отпечаток почитания Преподобного на всю жизнь остается и на выпускниках московских духовных школ.

Но вернемся к истории. Революционные потрясения, происшедшие в нашей стране, не обошли стороной и Церковь.

Это были страшные годы для ее служителей. В конце 1917 года МДА была закрыта, многие студенты и преподаватели репрессированы. Возрождение началось спустя почти тридцать лет. В 1944 году в Новодевичьем монастыре открывается Православный богословский институт. Уже в 1946 году он преобразуется в Московскую духовную академию, а в 1949 году происходит возвращение во вновь открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру. Общежитие и аудитории студентов размещаются в отремонтированном здании царских чертогов (о чертогах еще будет упомянуто). А в конце 1954 года МДА-иС был возвращен Покровский академический храм, в котором ранее размещался городской Дворец культуры. Последний корпус вернули уже в конце восьмидесятых; о нем тоже речь пойдет далее.

Вступительные экзамены

Для поступления в семинарию в первую очередь нужна письменная рекомендация архиерея из той епархии, к которой принадлежит абитуриент. Принимают в семинарию с восемнадцати лет, имеющих образование не ниже среднего, холостых или женатых первым браком. В советское время из-за препятствий, создаваемых властями, обладателям высшего образования в семинарию путь был закрыт. В последнее время среди учащихся духовных школ очень много имеющих высшее образование, тогда как совсем молодых юношей, поступивших сразу после школы, немного.

Вступительных экзаменов в семинарии целых шесть, конкурс туда всегда примерно такой, как в престижный московский институт. Экзамены включают проверку на знание церковно-славянского языка, Закона Божьего, церковного пения, сочинение. Но главное – собеседование, на котором определяется уровень духовной подготовки поступающего, а также благонадежность и сознательный выбор пути. Конечно, невозможно на одном собеседовании определить стопроцентную благонадежность, поэтому иногда в студенты попадают и «неблагонадежные». Такие либо отсеиваются за годы учебы, либо все же попадают в духовный причет.

Во время вступительных экзаменов абитуриенты живут в семинарии с тем распорядком дня, который их ждет в годы

учебы. Длятся испытания до середины августа. Уже во время экзаменов за абитуриентами начинают пристально наблюдать представители инспекции. Система контроля над студентами в семинарии и академии развита как нигде, она является многоуровневой. Главное лицо в семинарии – ректор. Заведующий по учебной части – проректор. За дисциплиной надзирает инспектор; как правило, это иеромонах (монах-священник). А у инспектора, в свою очередь, имеется старший помощник, которому подчиняются простые помощники. Кстати, в отличие от армии или военных училищ и несмотря на столь жесткую иерархическую систему контроля, в семинарии и академии не существует дедовщины.

По окончании вступительных экзаменов на торжественном обеде объявляют фамилии поступивших, и каждый абитуриент ждет этого со страхом и трепетом. Поступивших отпускают домой – до первого сентября. По этому поводу вспоминается история, происшедшая с моим супругом, тогда еще будущим, после поступления семинарию. Помните знаменитый для нашей страны день 19 августа 1991 года? В Москве в этот день безостановочно шел дождь, начавшийся, кажется, еще накануне. Церковь же в этот день отмечает один из великих двенадесятых праздников – Преображение Господне. В семинарии оглашали списки поступивших. В тот год там был особенно большой конкурс, абитуриенты впервые поступали без санкций уполномоченных. Наверное, каждому поступавшему в вуз знакома радость, когда после тревог и

переживаний вступительных экзаменов находишь свою фамилию в списках поступивших и понимаешь, что ты уже студент и впереди много-много всего нового и интересного. Память об этой радости остается на всю жизнь, и, наверное, любовью умудренный опытом седовласый профессор всегда с особой теплотой вспомнит ее. Вот и мой семинарист, вернувшись в Москву, замершую в ожидании развязки путча, не видел перед собой ничего, а шел по улицам, залитым непрерывным дождем, и пел псалмы. В подземном переходе к нему подошел какой-то замшелый мужик:

- Ты че поешь? Пьяный, что ли?
- Нет, просто весело, праздник сегодня.
- Возьми у меня травки – еще веселее будет.
- Мне и так весело, зачем радость портить, – ответил счастливый семинарист.

Учебный процесс

Одна прихожанка спрашивает другую:

– Ты куда идешь?

– В семинарский храм.

– Да ты что, там же людей нет, одни семинаристы.

– Да я причаститься.

– Так у них и причастие учебное!

Семинарский анекдот

Курсы в семинарии называются классами. Семинарию заканчивают далеко не все поступившие. Вылететь отсюда гораздо легче, чем из любого светского вуза. Дисциплина железная, постоянный контроль со стороны начальства, учебные нагрузки запредельные. Хотите домой, повидать любимую маму и поесть горячих пирожков – пишите прошение на увольнительную. И нет гарантии, что ее дадут. Любая мелкая провинность, например опоздание к вечернему отбою, карается выговором, который вносится в личное дело и застревает там до окончания учебы. Несколько выговоров – «вылет» обеспечен. За более крупные провинности, например пьянство или курение, – мгновенное удаление за пределы семинарских стен без права возвращения обратно.

В течение четырех (теперь уже пяти) лет обучения в семинарии будущий священник изучает более тридцати предметов, аналогов которым в светских вузах практически нет. Это

тонкости понимания Библии, богословие и церковная психология, основы ораторского искусства, техника проведения богослужения. Первую половину дня идут занятия. После обеда начинаются так называемые самостоятельные вечерние занятия, которые можно сравнить с группой продленного дня в школе, когда ученики сидят в классе под видом подготовки уроков, но при этом упорно валяют дурака. Кроме того, семинарист раз в неделю, в один из будних дней, обязан петь в хоре, то есть нести клиросное послушание.

Вечерние занятия являются обязательными. Семинаристы их не любят, поэтому используют все возможности и уловки, чтобы прогулять, проще говоря, откосить, пообщаться с регентшами или с друзьями-сокурсниками. Куда приятнее пойти на свидание с девушкой в соседний парк (благо вокруг Лавры очень много уютных укромных местечек, где можно уединиться, пошептаться), чем сидеть в душном классе. Рядом с семинарским корпусом есть старый парк с темными аллеями и бурно разросшимися, давно не стриженными кустарниками. Еще лет десять назад там стояли заброшенные качели-лодочки. Помните такие качели из детства, которые всегда были в парках культуры почти в каждом городе? Возле качелей обязательная будка кассирши. Тормозили их такой специальной деревянной доской, которая с помощью системы рычагов поднималась над полом. Катаясь на них, я всегда вспоминала песню из фильма: «Крылатые качели летят, летят, летят». Так вот, в старом семинар-

ском парке и стояли те самые ржавые забытые качели, давно без тормозов и неизменной кассирши, словно призрачное воспоминание из недавнего детства. В то время на них перекаталось множество семинаристов со своими невестами, прежде чем, как в песне, разлететься кто куда. Теперь эти семинаристы давно уже маститые протоиереи, а их невесты солидные многодетные матушки. А качели исчезли; уж не знаю, кто здесь постарался – то ли городские власти, то ли лаврские – загадка. Жалко, но у нынешних семинаристов нет этих скрипучих качелей, на которых, сливаясь со светом и воздухом, можно было на несколько мгновений вернуться в беззаботное прошлое и окунуться в романтику ожидаемого будущего. В мимолетную романтику, которая зыбким видением посещает нас единожды на пороге взрослой жизни. В те прощальные мгновения, которые нам уже не достанутся, и которые, дай Бог, как и мы в свое время, испытают наши дети.

Но вернемся к нашему повествованию.

Особо продвинутые студенты время, отведенное на самостоятельную подготовку, не тратят даром, учатся и учатся, часами просиживая в богатейшей академической библиотеке, пока другие гуляют или режутся в классе в морской бой.

По окончании семинарии выдается диплом, так и хочется добавить – государственного образца, но здесь следует оговориться. Государственных дипломов в духовных школах нет. Церковь давно отделена от государства. Единственным

вузом Русской православной церкви, который имеет право выдавать государственные дипломы, является Тихоновский православный университет. Следует сказать, что дипломы, получаемые в ватиканской системе образования, тоже негосударственной, всегда ценились выше любых государственных.

В отличие от светского вуза, в семинарии и академии не существует красных и синих дипломов. Аналогом цвета являются разряды: первый и второй. Поэтому у выпускника семинарии или академии спрашивают, не с каким дипломом он закончил, а по какому разряду. Неудачники могут вообще не получить диплом. В таком случае выдают справку о прослушанном курсе семинарии. Есть даже шутка: «Курс прослушал, только мимо ушей».

Форма в семинарии

Семинаристы носят форму. Это черный китель с воротником-стойкой и брюки. Учащимся запрещается отпускать волосы и бороды; исключение составляют готовящиеся к принятию сана или монашества, но такие вместо кителей облачаются уже в подрясники. Семинаристы разрешается носить только усы.

Послушания

Послушаний в семинарии предостаточно, причем самых разнообразных. Например, картошка.

Задача для школьного учебника.

Семинарский обед готовится на семьсот человек. На каждого человека положено по три картофелины. На кухне по чистке картошки работают пять семинаристов. Сколько картофелин должен перечистить один семинарист?

Решение: 1) $700 \times 3 = 2100$

2) $2100 \div 5 = 420$

Ответ: Один семинарист на послушании должен перечистить 420 картофелин.

Кроме ножей для ручной чистки картофеля в арсенале семинарской кухни имеется уникальная машина под названием картофелечистка. Сия машина представляет собой небольшой бак, стенки которого сделаны из точильного камня, а на дне, в центре, привод с электромотором. Сверху под углом подается струя воды, вся конструкция крутится, картофелины бьются об стенки, скачут, как шарики в «Спортлото», за счет этого кожура снимается. В семинарском фольклоре эту машинку так и называли – «Спортлото». Когда картофелины доходят до нужной кондиции, привод отсоединяется, бак опрокидывается, и все содержимое сливается в

обычный бак. Остается лишь очистить картошку от глазков. Когда такая работа семинаристам надоедает, они начинают развлекаться следующим образом: закидывают ведро картошки, а через полчаса вынимают аккуратные, идеально ровные картофельные шарики для пинг-понга! А если картошку совсем не вынимать, то через некоторое время клубни исчезают полностью.

Только машинка это очень капризная и своенравная. Она, как правило, сломана, то есть отдыхает, а если работает, то во время работы бьет током любого, кто к ней подойдет. Поэтому к ней требуется индивидуальный подход – в резиновых перчатках и сапогах.

Семинаристы, идущие на послушание, говорят:
«Припахали на работу».

За провинность могут дать наряд вне очереди, как в армии.

А теперь история о том, как припахивают и как пытаются откосить от послушания. Один семинарист, назовем его Вася, имел освобождение по здоровью от физических работ, связанных с поднятием тяжестей больше двух кэгэ. И вот ему дают послушание подмести территорию. Но работать Вася крайне не любил, и он напомнил о своем освобождении помощнику, распределявшему работу. Помощник оказался находчивым детиной и притащил безмен, дабы взвесить метлу. Метла весила ровно один килограмм триста пятьдесят граммов. Ленивому студенту пришлось смириться и присту-

пить к подметанию двора.

Семинарское хозяйство очень большое, к тому же семинария и академия по структуре – маленькое автономное государство, находящееся на самообеспечении. У МДА есть и подсобное хозяйство, проще говоря, колхоз, который обеспечивает столовую частью продуктов. Студенты трудятся на кухне, в котельной, в гараже, водят экскурсии по Лавре. Экскурсии – самое приятное из имеющегося перечня. Одним словом, почти все, как в армии, кроме туалетов. Вот туалеты воспитанники не моют, для этого имеются наемные уборщицы.

Есть в арсенале послушаний круглосуточные дежурства на вахте – ЧОПов семинария и академия не имеет, поэтому порядок также поддерживается внутренними силами. Круглосуточные дежурства – это психологически одно из самых тяжелых послушаний. Вы скажете: ну а как люди в ЧОПах работают, в больнице и на «скорой помощи»? Но в семинарии есть один нюанс: студент от учебного процесса не освобождается и вынужден зубрить уроки прямо во время вахты, а дежурства бывают даже и сутки через сутки (правда, только на каникулах). Сутки на стуле в семинарском проходняке, как правило, продуваемом всеми сквозняками, – не самое приятное занятие. Спать запрещено, за этим зорко следят помощники и сам инспектор, который может нагрянуть посреди ночи с проверкой. Зачастую на таких бдениях от безумной сонливости воспитанников спасает толь-

ко фирменный бурсацкий чифирь: одна маленькая пачка чая «со слоном» (теперь рекламщики называли его «тот самый» в расчете на ностальгирующую целевую аудиторию) на литр кипящей воды.

Раз уж зашла речь о дежурствах, хочется рассказать о семинарском корпусе; далеко не все знают о его кровавом прошлом. Корпус этот находится возле того самого заброшенного парка, облюбованного воспитанниками для свиданий. Старое трехэтажное здание красного кирпича стоит вне стен Лавры. Их разделяет глубокий овраг с маленькой речкой, а корпус соединяется с Лаврой узким длинным переходом, по которому всегда спешат на занятия и с занятий регентши и семинаристы.

В советское время, почти до конца восьмидесятых в этом корпусе находилась женская консультация с абортарием. Примечательно, что сам абортарий был устроен прямо в храме преподобного Иоанна Лествичника, который находится внутри архитектурного ансамбля. Когда власти передали здание МДА, туда почти сразу после спешного ремонта заселили семинаристов, устроили спальни, учебные комнаты. Стали восстанавливать храм. Время, пока храм восстанавливали, было самым страшным для обитателей сего учебного заведения. Дело в том, что в корпусе обитали привидения! Думаете, время гоголевского Вия прошло? Нет. По ночам в длинных гулких коридорах слышны были стуки и странные шумы. Говорят, что иногда даже летали предметы, семина-

ристы, дежурившие на вахте, видели и призраков, от которых волосы шевелились и мурашки бегали по телу. В те жуткие ночи очень часто иеромонах Ростислав обходил корпус с кадилом и молитвой. После его обхода становилось спокойнее. Эти явления объяснялись тем, что в храме семинарского корпуса многие годы убивали нерожденных младенцев. Кошмары прекратились только после освящения храма и всего здания.

По воспоминаниям студентов первых послевоенных выпусков, им тоже было несладко. Академии отдали лишь половину здания, и храм соседствовал с клубом. Идет всеобщая, а рядом гремят страсти советского фильма первых пятилеток или танцы. А в самой Лавре, на месте трапезного храма, была МТС – не салон сотовой связи, а станция по ремонту тракторов и тяжелой сельхозтехники, что тоже сильно мешало размеренному ритму здешней жизни.

Увольнительные

О, эти долгожданные увольнительные!

Всё как в военном училище. Хотите домой, к друзьям или на свидание – пишете прошение на имя инспектора. С увольнительной семинарист обязан возвращаться строго в указанное время, например, если указано до отбоя, то строго до отбоя. Отбой в одиннадцать часов. Опоздание нещадно карается выговором с занесением в личное дело, регулярные опоздания – исключением. В армии допускается опоздание с увольнительной на три часа, в семинарии никаких опозданий не допускается.

На семинарском сленге простой выговор назывался «величанием», строгий выговор с урезанием стипендии – «тропарем», а отчисление – «ныне отпускаеши». Кто знаком с богослужебной терминологией, поймет, о чем идет речь. «Тропари» вывешиваются на специальную доску. Любые действия вне регламента положено в обязательном порядке оговаривать с дежурным помощником. Например, если студенту необходимо пойти в библиотеку, положено официально отпроситься. Но на этом контроль не заканчивается. Помощник не поленился сходить в библиотеку и проверить, есть ли там отпросившийся, или, может, он уже слинял по своим делам. Если семинариста не обнаружат, ему светит объяс-

нительная. Каждая объяснительная, как правило, сопровождается профилактической беседой у отца-инспектора. После двадцати объяснительных студенту вывешивается «тропарь автоматом», то есть уже без прохождения профилактической беседы. И так во всем.

Так что, как видите, у администрации всегда есть действенные рычаги влияния на студентов.

Вспоминается случай из семинарской жизни моего мужа – один из способов избежать «тропаря».

Однажды, будучи студентом третьего класса, он должен был ехать в Москву на венчание к другу. О друге этом еще будет упомянуто, так как именно он стал впоследствии миссионером в Китае.

Но вернемся к нашей теме. Увы, увольнительную ему дали только на утро того дня, на который назначено было венчание. Таким образом, на венчание он или не успевал, или очень сильно опаздывал, что в данной ситуации одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.